

А.Ю. ЧУРИЛОВ

УЧАСТИЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ
В ИСПОЛНЕНИИ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО
ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Монография

ЮСТИЦ ИНФОРМ

Алексей Чурилов

**Участие третьих лиц в
исполнении гражданско-
правового обязательства**

«Юстицинформ»

2019

УДК 347.13
ББК 67.404

Чурилов А. Ю.

Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового
обязательства / А. Ю. Чурилов — «Юстицинформ», 2019

ISBN 978-5-7205-1534-8

В данном монографическом исследовании сформирована целостная система моделей и форм участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства, в основе которой лежит теоретическая установка о том, что реализация интереса участника гражданского оборота выступает достаточным и необходимым условием приобретения таким участником качества третьего лица по отношению к обязательству. Издание предназначено для лиц, интересующихся актуальными проблемами гражданского права.

УДК 347.13

ББК 67.404

ISBN 978-5-7205-1534-8

© Чурилов А. Ю., 2019
© Юстицинформ, 2019

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
1.1. Третьи лица в обязательственном праве	7
1.2. Модели участия третьего лица в исполнении гражданско- правового обязательства	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

А.Ю. Чурилов
Участие третьих лиц в исполнении
гражданско-правового обязательства
© ООО «Юстицинформ», 2019

Введение

Большинство обязательственных отношений в гражданском обороте не обходится без воздействия на них лиц, не являющихся их сторонами – третьих лиц. При этом обязательство может исполняться как третьему лицу, так и третьим лицом. Несмотря на многочисленные исследования, посвященные участию третьего лица в обязательстве, к настоящему времени в доктрине гражданского права не сложилось единого подхода к определению понятия «третье лицо», а также к специфике правового положения третьего лица, участвующего в исполнении обязательства. В этой связи имеют место противоречивые воззрения на правовой статус третьего лица в традиционных обязательственных конструкциях, в исполнении которых оно может принимать участие. Участие третьих лиц в обязательстве исследователями рассматривается преимущественно через призму юридической связи третьего лица с одной из сторон обязательства без учета такого важного признака, обуславливающего воздействие третьего лица на обязательственное правоотношение, как интерес одного из его участников. Кроме того, среди цивилистов до сих пор не сложилось единое мнение относительно правовой природы права требования третьего лица по договору, заключенному в его пользу; момента возникновения у третьего лица права требования исполнения договора, заключенного в его пользу; судьбы исполненного третьим лицом обязательства; пределов возложения исполнения обязательства на третье лицо и пределов исполнения третьим лицом обязательства в отсутствие возложения.

Противоречивость доктринальных положений напрямую влияет на дальнейшее правоприменение и правотворчество, что не способствует устойчивости гражданского оборота. Определение пределов воздействия третьих лиц на гражданско-правовое обязательство необходимо с целью недопущения злоупотребления правом как сторонами обязательства, так и третьим лицом. В связи с обновлением отечественного законодательства, регулирующего правила участия третьих лиц в исполнении обязательства, необходима критическая переоценка соответствующих положений. Создание целостной системы, демонстрирующей модели участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства, позволит в дальнейшем привнести изменения в гражданское законодательство, а также решить проблемы и противоречия правоприменительной практики.

В данном монографическом исследовании сформирована целостная система моделей и форм участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства, в основе которой лежит теоретическая установка о том, что реализация интереса участника гражданского оборота выступает достаточным и необходимым условием приобретения таким участником качества третьего лица по отношению к обязательству. Авторский подход к пониманию третьего лица и интереса третьего лица в исполнении обязательства позволил доказать недостоверность и противоречивость некоторых устоявшихся в гражданско-правовой доктрине конструкций с участием третьего лица в обязательственной правовой связи, в частности: перемены лица на стороне кредитора при исполнении обязательства третьим лицом; ответственности третьего лица за исполнение обязательства.

Глава 1

Общие положения о третьем лице в обязательстве

1.1. Третьи лица в обязательственном праве

Любое гражданско-правовое обязательство воспринимается как правовая связь двух сторон¹, из которых одна (кредитор) наделена правом, а другая (должник) несет обязанность². При этом субъективному праву кредитора всегда корреспондирует субъективная обязанность должника, содержание которой сводится к необходимости совершения последним определенного активного действия.

Казалось бы, право кредитора на активное действие должника должно восприниматься в качестве аксиоматического положения. Между тем отношения экономического базиса вызвали к жизни такие конструкции, которые ломают общее представление об обязательстве как исключительно связи кредитора и должника. Речь идет о третьем лице, которое в установленных законом, иными правовыми актами, а также соглашением сторон пределах может оказать воздействие на динамику обязательственного правоотношения. И то, что еще в римском частном праве рассматривалось через призму строго личного характера, когда кредитор имел личное право требования, обращенное к должнику³, сегодня выступает скорее в качестве исключения, ограничивающего возможность привлечения третьего лица к исполнению обязательства как на стороне должника, так и на стороне кредитора.

Однако как бы мы ни относились к роли третьего лица в динамике обязательства, одно остается неизменным: только для обязательственного правоотношения (в отличие от вещного, неимущественного и организационного) характерно то, что управомоченное лицо называется

¹ Ярким представителем данного подхода выступал О.А. Красавчиков. – См.: Советское гражданское право. В 2 томах. М.: Высшая школа, 1985. Т. 1. С. 461. Вместе с тем в современной юридической литературе представлен и другой подход, согласно которому, обязательство представляет собой простую правовую связь, состоящую из одного субъективного права и корреспондирующей этому праву субъективной обязанности. См., напр.: *Соломин С.К., Соломина Н.Г.* Прекращение обязательства по российскому гражданскому праву: теоретический очерк. М.: Юстицинформ, 2014. С. 4.

² На протяжении почти ста лет мы являемся свидетелями стабильности конструкции гражданско-правового обязательства, одинаково воспринимавшейся на различных этапах совершенствования отечественного гражданского законодательства, с той лишь разницей, что в ГК РСФСР 1922 г. существо обязательства раскрывалось через субъективное право кредитора, а не субъективную обязанность должника, как во всех последующих кодификациях. Так, в ст. 107 ГК РСФСР 1922 г. имела место норма следующего содержания: «В силу обязательства одно лицо (кредитор) имеет право требовать от другого (должника) определенного действия, в частности, передачи вещей или уплаты денег либо воздержания от действия». Однако уже в ОГЗ СССР и союзных республик 1961 г. нормативное предписание части первой ст. 33 гласило: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности». Именно подобная трактовка обязательственной связи оказалась наиболее удачной и без каких-либо изменений была воспринята ГК РСФСР 1964 г. (ст. 158), ОГЗ СССР и республик 1991 г. (п. 1 ст. 57), а затем и ГК РФ (п. 1 ст. 307).

³ См., напр., *G. Mousourakis*, *Fundamentals of Roman Private Law*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2012. P. 183. Римское частное право отрицало возможность участия третьего лица и на стороне кредитора, в частности, это выражалось в недопустимости заключения договора в пользу третьего лица по принципу *alteri stipulari nemo potest* (никто не может получить stipulationное обещание в пользу третьего лица). Как отмечали И.Б. Новицкий и И.С. Перетерский, это правило следует из древнего принципа *ut unusquisque sibi adquirat quod sua interest; ut alii detur, nihil interest mea* (пусть каждый приобретает для себя то, в чем именно он имеет интерес; мне дела нет до того, чтобы другому было дано). – См.: Римское частное право: Учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Зерцало, 2012. С. 352. Указанный подход сохранялся в римском частном праве вплоть до второй половины первого тысячелетия. Позже господство кредитора над должником стало признаваться частичным, направленным на совершение определенных действий. – См.: *Миросцев С.А.* Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут, 2003. С. 287–288.

кредитором, а обязанное лицо – должником⁴; эти лица настолько конкретны, насколько вообще может быть конкретизировано обязательство за счет тех прав и обязанностей, которые характеризуют участников соответствующего правоотношения. Именно поэтому доктрина гражданского права по критерию межсубъектных связей относит обязательство к относительным правоотношениям. И если в абсолютных правоотношениях управомоченной стороне противостоит неопределенный круг обязанных лиц, который в общем виде можно описать конструкцией «другие лица» или «третьи лица»⁵, то в обязательственном правоотношении появление любого другого (третьего) лица, отличного от кредитора или должника, должно восприниматься как аномалия, наличие которой допустил закон, отозвавшись на потребности отношений экономического базиса. Учитывая такую оговорку, отечественная доктрина гражданского права выделяет две основные категории субъектов обязательства – стороны и третьи лица⁶.

На сегодняшний день в теории обязательственного права отсутствует единый подход к пониманию третьего лица, что обусловлено, в первую очередь, неоднозначным подходом законодателя к использованию термина «третье лицо» по содержанию отдельных норм позитивного права. Так, толкование п. 3 ст. 308 ГК РФ, в соответствии с которым «обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц)», позволяет утверждать, что законодатель в наиболее общем виде под третьим лицом понимает любое лицо, иное, нежели стороны конкретного обязательственного правоотношения⁷. Такое определение третьих лиц для цели обязательственного права не приносит ясности в разграничение таких понятий, как «третье лицо», «другое лицо», «неопределенный круг лиц». В доктрине высказывается суждение, что в качестве третьих лиц следует рассматривать всех тех, кто, не являясь стороной или сторонами обязательства, своими действиями или бездействием определенным образом влияет на динамику обязательственного правоотношения⁸. Но как в таком случае понять, где находятся те границы, переход которых «другими» лицами приведет к тому, что это будет восприниматься как влияние на динамику обязательства действием или бездействием третьего лица?

М.И. Брагинский определял третьих лиц как участников гражданского оборота, находящихся в определенном положении по отношению к другим участникам. По его мнению, если другое лицо – это любой участник гражданского оборота, который не является стороной исходного правоотношения, то третье лицо, не являясь стороной исходного обязательства, всегда юридически связано с одной из сторон исходного обязательства⁹. То есть речь идет о некоей юридической связи как квалифицирующем признаке, отграничивающем третьих лиц от всех остальных участников гражданского оборота.

Наличие подобного квалифицирующего признака усматривали и другие ученые-правоведы. В частности, О.А. Красавчиков писал: «что касается третьих лиц, то закон относит к ним таких субъектов, которые состоят в определенной правовой связи с одной из сторон и приоб-

⁴ Так, Д.И. Мейер писал, что лица, участвующие в обязательстве, называются сторонами. См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. В 2 ч. изд. 2-е, испр. (Классика российской цивилистики). М.: Статут, 2000. С. 440.

⁵ В абсолютном правоотношении, несомненно, третьим лицом является любое лицо, тем самым формируется неопределенный круг лиц, поскольку в таких правоотношениях определен только носитель субъективного права, который может требовать от любого третьего лица не препятствовать реализации данного субъективного права. – См., напр.: *Прокопьев А.Ю.* Абсолютные и относительные гражданские правоотношения: общее и особенное // Современное право. 2015. № 11. С. 34–39.

⁶ См., напр.: *Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова.* М.: Высшая Школа, 1985. Т. 1. С. 414.

⁷ Аналогичное определение третьих лиц можно вывести из норм, содержащихся в Особенной части ГК РФ. Так, в соответствии со ст. 460 ГК РФ «продавец обязан передать товар свободным от прав третьих лиц»; в соответствии со ст. 895 ГК РФ «если договором хранения не предусмотрено иное, хранитель не вправе без согласия поклажедателя передавать вещь на хранение третьему лицу». В этих нормах третьи лица законодателем определяются как неопределенный круг лиц, другие лица.

⁸ См.: *Нетишинская Л.Ф.* К вопросу о влиянии третьих лиц на динамику обязательственного правоотношения // Юрист. 2005. № 10. С. 33–35.

⁹ *Брагинский М.И.* Влияние других (третьих) лиц на социалистические гражданские правоотношения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1962. С. 3–6.

ретают в силу этого по обязательству некоторые права или обязанности, например, в случае возникновения обязательства из договора в пользу третьего лица»¹⁰.

О юридической связи третьих лиц со сторонами обязательства писал в свое время и В.С. Толстой¹¹. Необходимость правовой связи третьего лица с одной из сторон обязательственного правоотношения обосновывал М.К. Сулейменов¹².

Под влиянием ученых-классиков эта позиция нашла отражение и в современной литературе. Так, М.К. Кроз высказывает мнение, что третьим лицом в гражданско-правовом обязательстве является его участник, связанный определенным правоотношением с одной из сторон данного обязательства и обладающий правами и обязанностями, производными от прав и обязанностей стороны (должника или кредитора)¹³. И.В. Кисель также придерживается точки зрения о том, что одна из сторон обязательства связана другим обязательством с третьим лицом¹⁴.

Не возражая в целом по существу приведенных мнений, представляется необходимым отметить, что юридическую связь, о которой ведут речь данные ученые, следует воспринимать исключительно как связь обязательственную¹⁵. В противном случае, если понимать ее расширительно – как любую юридическую связь, третьи лица станут практически неотделимы от других лиц. Вместе с тем наличие обязательственной связи нельзя рассматривать в контексте квалифицирующего признака, определяющего условие вовлечения субъектов гражданского оборота в динамику обязательства в качестве третьих лиц. Третье лицо может быть и не связано ни с одной из сторон обязательства какой-либо юридической связью, но при этом быть способным воздействовать на динамику правоотношения. Речь, в частности, идет об институте действия в чужом интересе без поручения, в рамках которого регулируются отношения лица (третьего лица), не обладающего юридической связью с должником, по исполнению за последнего обязательств перед его кредитором. В механизме действия в чужом интересе без поручения категории «третье лицо» и «другое лицо» являются в определенной степени схожими. Однако гестор, действующий в интересах доминуса, переходит из категории «других лиц» в категорию «третьи лица». Данное обстоятельство исключает возможность использования критерия юридической связи для отграничения третьих лиц от всех остальных субъектов гражданского оборота в качестве универсального (квалифицирующего) признака. Более того, признак юридической связи не всегда срабатывает и в случаях, когда должник или кредитор обязательства одновременно состоят во множестве иных обязательственных связей: один лишь факт нахождения другого лица в обязательственной связи с кредитором и должником не превращает его в третье лицо, поскольку другое лицо может и не воздействовать на обязательство кредитора и должника. Изложенное актуализирует потребность поиска иного универсального критерия для оформления фигуры третьего лица в динамике гражданско-правового обязательства.

Что же объединяет всех третьих лиц, так или иначе способных воздействовать на динамику возникшего обязательства?

Представляется, что только интерес¹⁶ участников гражданского оборота способен обособить одних участников в качестве должника и кредитора обязательства, а других – в качестве

¹⁰ См.: Красавчиков О.А. Советское гражданское право. В 2 томах. М.: Высшая школа, 1985. Т. 1. С. 414.

¹¹ Толстой В.С. Исполнение обязательств. М.: Юрид. лит, 1973. С. 73.

¹² Сулейменов М.К. Третьи лица в гражданском праве // Советское государство и право. М.: Наука, 1978. № 3. С. 123–126.

¹³ См.: Кроз М.К. Третье лицо в обязательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 7.

¹⁴ Кисель И.В. Обязательства с участием третьих лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 42.

¹⁵ В этой связи уместно провести классификацию третьих лиц в зависимости от характера связи третьего лица со сторонами обязательства. Соответственно, третье лицо может быть должником или кредитором как должника, так и кредитора в конкретном обязательстве.

¹⁶ Термин «интерес» произошел от латинского слова *interes esse* – иметь значение, быть важным, находиться между чем-нибудь.

третьих лиц по отношению к динамике этого обязательства¹⁷. При этом если интерес должника и кредитора всегда соотносится с целью обязательства, то интерес третьих лиц всегда находится за пределами этой цели¹⁸, однако его реализация по отношению к такому обязательству выступает средством (орудием) удовлетворения интересов кредитора и должника. Это означает, что формирование субъекта гражданского права в качестве третьего лица по отношению к обязательству проходит две стадии: первая связана с закреплением (оформлением) определенного интереса, что приводит к появлению потенциального третьего лица; вторая связана с реализацией данного интереса, затрагивает динамику обязательства, при которой потенциальное третье лицо переходит в состояние третьего лица. Совокупность же других лиц относительно обязательства представляет собой неопределенный круг лиц.

Итак, реализация интереса участника гражданского оборота выступает достаточным и необходимым условием приобретения таким участником качества третьего лица по отношению к обязательству.

Представим модель третьего лица в динамике гражданско-правового обязательства в виде определенного набора пространств. По отношению к обязательственной связи, представленной кредитором и должником (пространство сторон обязательства), все остальные субъекты гражданского права образуют пространство «других лиц». Вместе с тем стороны обязательства выступают связующим звеном для всех тех «других лиц», которые, не являясь участниками обязательственного правоотношения, потенциально могут оказать влияние на его динамику при условии формирования у них соответствующего интереса. Эти лица образуют пространство потенциальных третьих лиц в пространстве «других лиц». По отношению к пространству потенциальных третьих лиц все остальные «другие лица» попадают в пространство неопределенного круга лиц (иных лиц).

Можно прийти к выводу, что английская правовая доктрина не придерживается позиции об обязательности правовой связи третьего лица с какой-либо из сторон обязательства, важно лишь наличие интереса в его динамике.

При реализации своего интереса потенциальное третье лицо включается в динамику обязательства в качестве его участника (третьего лица), не приобретая качество основных участников правоотношения – его сторон. В итоге можно вести речь о формировании пространства участников обязательственного правоотношения, включающего в себя пространство сторон обязательства, а также пространство третьих лиц. Все пространства по отношению к пространству сторон обязательства всегда находятся в подвижном состоянии: до тех пор, пока существует обязательство, существует возможность перехода любого субъекта гражданского права из одного пространства в другое; любое лицо, входящее в состав неопределенного круга лиц, может перейти в состояние третьего лица.

Возвращаясь к содержанию п. 3 ст. 308 ГК РФ и учитывая вышеизложенное, заметим, что предписание указанной нормы, очевидно, относится к тем третьим лицам, которые вовлечены в динамику обязательственного правоотношения в качестве его участников. Данная установка важна для осознания того, что правовое явление «третье лицо» многогранно: оно про-

¹⁷ Схожим путем определения третьего лица следует правовая доктрина Англии. Так, согласно представлениям английских исследователей, третье лицо – это лицо, не являющееся стороной договора, не участвующее в его заключении, но имеющее интерес в его исполнении. – См., напр.: *Catherine Elliott and Frances Quinn*. Contract law. 8th ed. Pearson Education Limited. 2011. p. 270; *Anson Sir William Reynell, Beatson Sir Jack, Burrows Andrew, Cartwright John*. Law of Contract. 29th edition. Oxford University Press, 2010. Pp. 613–615; *Treitel Sir Guenter*. The Law of Contract. 11-th edition. London: Sweet&Maxwell, 2003. P. 580. Такое определение следует из принципа недопустимости вмешательства третьих лиц в договорные отношения (так называемая doctrine of privity), в соответствии с которой третьи лица не приобретают прав по заключенному договору даже в том случае, если он был заключен в их пользу. Это правило исходит из идеи встречного предоставления как предоставления, которое может исходить только от кредитора. – См. подробнее: *Чурилов А.Ю.* Основы правового положения третьих лиц в договорных отношениях по английскому праву // *Advances in Law Studies*. 2016. Т. 4, № 1. С. 47–53; *Чурилов А.Ю.* Особенности правового положения третьих лиц в английском праве // *Вестник Омского университета*. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 107–116.

¹⁸ См., напр., *Кулаков В.В.* Формы участия третьих лиц в обязательстве // *Российский судья*. 2009. № 7. С. 18–23.

являет свои особенности не только в сфере разграничения правоотношений на относительные и абсолютные, вещные и обязательственные, но также и внутри каждого из указанных элементов. Было бы неправильным пытаться дать оценку третьему лицу в обязательственном праве исключительно с позиции лица, поведение которого соотносится с действиями должника или кредитора. Ведь не только третьи лица могут оказывать влияние на динамику обязательства, но и само обязательство как на стадии его возникновения, так и на стадии его исполнения (а равно на стадии его изменения или прекращения отличного от исполнения обязательства) может оказывать влияние на третьих лиц. Более того, непосредственно действия третьих лиц как участников обязательства могут оказывать влияние на иных участников гражданского оборота, которых закон также называет третьими лицами. Можно ли в таком случае говорить о смешении понятий и о том, что законодатель без разбору использует термин «третье лицо» для обозначения разных субъектов обязательственного права? Очевидно, что нет.

Необходимо четко понимать для какой цели используется понятие «третье лицо»: если речь идет о динамике обязательства, в которую вовлечен субъект отличный от должника или кредитора, то необходимо вести речь о третьем лице как участнике обязательственного правоотношения; если же речь идет о тех лицах, которые могут попасть под действие тех последствий, которые связаны с динамикой обязательства, в том числе вызванные поведением третьего лица – участника обязательства, следует говорить о третьем лице как не являющемся участником обязательства.

Например, воспринимая поведение гестора в механизме действия в чужом интересе без поручения как поведение третьего лица, мы неминуемо сталкиваемся с тем, что и сами действия гестора (как первопричина) могут затронуть интересы субъектов гражданского оборота, которые будут восприниматься по отношению к доминусу или гестору в качестве третьих лиц. Так, согласно п. 1 ст. 983 ГК РФ действия гестора, совершенные после того, как ему стало известно об их неодобрении со стороны доминуса, не влекут для последнего обязанностей ни в отношении гестора, ни в *отношении третьих лиц*. Фигура третьего лица (неучастника обязательства) присутствует также в ситуации, когда гестор своими действиями причиняет вред: третье лицо в данном случае выступает в роли потерпевшей стороны – кредитора в деликтном обязательстве (ст. 988 ГК РФ).

Но как бы мы не относились к фигуре тех лиц, которых нормы обязательственного права обозначают термином «третьи лица», в основе формирования такой фигуры всегда лежит интерес этих лиц.

Так, например, п. 1 ст. 460 ГК РФ содержит норму о том, что «продавец обязан передать покупателю товар свободным от любых прав третьих лиц, за исключением случая, когда покупатель согласился принять товар, обремененный правами *третьих лиц*». Подобное обременение может носить как вещный, так и обязательственный характер и для цели защиты интересов управомоченного третьего лица означает, что возникновением обязательства по передаче товара, обремененного правами третьего лица, затрагивается непосредственно имущественный интерес этого лица. Сам же защитный механизм интереса третьего лица (неучастника обязательства) можно обнаружить по содержанию отдельных норм позитивного права о купле-продаже. В частности, по договору купли-продажи предприятия кредиторы продавца (третьи лица) могут требовать досрочного исполнения обязательств, входящих в состав предприятия (п. 2 ст. 562 ГК РФ). Данный пример касается ситуации, когда определенный имущественный интерес третьего лица непосредственно связан с наличием у него конкретного субъективного права, и этот интерес затрагивается самим *фактом возникновения обязательства*. Но имеют место ситуации, когда *динамикой обязательства* может быть затронут имущественный интерес третьего лица, который, в свою очередь, приведет к возникновению у него определенного права. Например, при исполнении обязанности по предоставлению услуг по управлению транспортным средством, предоставленным в аренду, арендодатель несет ответствен-

ность за вред, причиненный *третьим лицам* этим транспортным средством (ст. 640 ГК РФ). В подобной ситуации действием арендодателя при реализации соответствующего обязательства затрагивается интерес третьего лица (неучастника обязательства), который в итоге выразится в оформлении его субъективного права требования, направленного на возмещение причиненного вреда.

Учитывая изложенное, предлагаем при разграничении третьего лица – участника обязательства и третьего лица – неучастника обязательства использовать формулу, опирающуюся на одну из двух моделей: либо на модель «реализация интереса третьего лица», либо на модель «затронутый интерес третьего лица». Таким образом, если речь идет о реализации интереса третьего лица, выраженного в определенном его действии, которым затрагивается динамика обязательства, перед нами третье лицо – участник обязательственного правоотношения (в данной формуле «реализация интереса третьего лица» – это всегда первопричина, а «затронутая динамика обязательства» – это всегда следствие); если речь идет о реализации обязательства, в том числе действиях третьего лица – участника обязательства, которыми затрагивается интерес третьего лица, то перед нами третье лицо – неучастник обязательства (в данной формуле «затронутый интерес третьего лица» – это всегда следствие, а первопричиной выступает непосредственно «реализация обязательства» или «действие третьего лица – участника обязательства»).

Установленная ясность в понимании фигуры «третьего лица» в обязательственном праве, позволяет сосредоточить внимание исключительно на третьем лице – участнике обязательства (далее – третьем лице) и его интересе. Напомним: несмотря на то, что интерес третьего лица всегда лежит за пределами обязательственного правоотношения, его реализация в форме определенного поведения третьего лица в динамике обязательства приводит к удовлетворению интереса должника или кредитора, что, в свою очередь, актуализирует вопрос о содержании таких понятий, как «интерес третьего лица», «интерес сторон обязательства», «интерес участников обязательства».

Действующее законодательство обходит стороной указанные понятия, что, скорее всего, связано с невозможностью дать им оценку с помощью дефинитивной нормы либо другого юридико-технического инструментария, отвечающего за содержание норм позитивного права. Однако это не снижает той роли, которую в целом играет интерес участников обязательства в организации имущественного оборота.

Так, законодатель, оформляя существо принципа добросовестности применительно к сфере обязательственного права (п. 3 ст. 307 ГК РФ), устанавливает обязанность сторон обязательства действовать добросовестно, что означает, в частности, необходимость учета прав и законных интересов друг друга, взаимного оказания необходимого содействия для достижения цели обязательства, предоставления друг другу необходимой информации. Это позволяет предположить, что юридический интерес находится в некотором пограничном состоянии между экономикой и правом. Еще С.Н. Братусь отмечал, что интерес является предпосылкой и целью права¹⁹, что исключает возможность объективизации интересов субъектов гражданского оборота в отрыве от экономики. В этом смысле небезынтересна точка зрения Я.А. Кропфрода, который отмечал, что экономический интерес есть некое психологическое явление, состояние индивидуального и общественного сознания, а форма необходимости реализации материальных, объективных потребностей²⁰. Переходя из формы экономического интереса в форму юридического интереса, последний не может потерять существенные признаки первого.

¹⁹ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Юриздат, 1950. С. 20. Однако интерес не входит в содержание субъективного права, хотя и подлежит защите наравне с субъективными правами граждан.

²⁰ Кропфрод Я.А. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. М.: Мысль, 1966. С. 545–546.

Вместе с тем в современной доктрине была предпринята попытка определить существо юридически значимого интереса субъектов гражданского права исключительно через категорию «потребность субъекта», игнорируя некоторые признаки, существование которых обусловлено существом отношений экономического базиса. Так, например, имеет место суждение о том, что юридически значимый интерес является потребностью субъекта, имеющей социальный характер и проявляющейся в установлении, изменении, прекращении, защите субъективных прав и обязанностей в правовом отношении с использованием юридических средств для достижения поставленных целей²¹. Представляется, что раскрытие интереса исключительно через потребность не раскроет все существо гражданско-правовых отношений. Являясь продуктом человеческого сознания, многообразие интересов несравнимо шире по сравнению с кругом потребностей, систематизированных наукой, в том числе в иерархическом порядке²². Рудольф фон Иеринг определял право как юридически защищенный интерес, понимая под последним субъективное эгоистическое вождение известной выгоды или пользы²³. Так, очевидно, что в отношениях купли-продажи покупатель имеет потребность приобрести товар. Однако рассматривать интерес продавца в продаже товара через потребность этот товар продать представляется излишне узким. Продавцом движет эгоистическое вождение выгоды, а не одна лишь потребность в установлении либо изменении субъективных прав, продаже товара ради продажи товара. Известный психолог С.Л. Рубинштейн отмечал, что попытки свести интерес к потребности, определив его исключительно как осознанную потребность, несостоятельны, поскольку осознание потребности может вызывать интерес к предмету, способному его удовлетворить, но неосознанная потребность как таковая является все же потребностью, а не интересом²⁴. Во многих случаях интерес возникает как реакция субъекта на объективную потребность, однако не исчерпывается исключительно необходимостью удовлетворения потребностей. Следовательно, интерес не исчерпывается исключительно потребностью, проявляясь не только как сознательное побуждение, связанное с удовлетворением потребности, но и как стремления и желания субъекта, не связанные с его объективными потребностями. Существует мнение, что формой проявления интереса являются общественные отношения²⁵. Однако, как представляется, формой проявления интереса вовне в первую очередь являются действия субъектов, направленные на вступление в правовые отношения по поводу и в целях реализации своих интересов.

Интерес субъекта, попадая в правовое поле, становится юридическим либо правовым интересом и находит свое выражение в побуждении лица на получение выгоды²⁶. Получение такой выгоды может быть связано с обладанием определенным имущественным или неимущественным правом, а равно с его реализацией; с необходимостью защиты такого права от действий других лиц. Именно потребность в реализации интереса мотивирует субъектов гражданского права на вступление в правоотношения посредством привлечения определенного

²¹ Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. С. 23–25.

²² См., напр., Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. С. 60–80.

²³ История политических и правовых учений: Учебник / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Юрид. лит., 1983. С. 498–502.

²⁴ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е издание СПб.: Питер, 2009. С. 525. В.П. Грибанов также писал, что неверно отождествлять интерес и потребность, поскольку потребность есть объективная необходимость, а интерес есть потребность, прошедшая через сознание людей и принявшая форму сознательного побуждения. Интерес проявляется в виде стремлений, желаний, намерений. Ученый справедливо отмечает, что именно сложность процесса формирования сознательных побуждений, т. е. интереса, и его зависимость от многих обстоятельств объективного и субъективного характера объясняют, почему интересы действующих субъектов права не всегда точно соответствуют объективным потребностям (см.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 239–240).

²⁵ См., напр., Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. С. 16; Ульянов А.В. Юридические интересы в системе гражданского права // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 119–127.

²⁶ Следует подчеркнуть, что категория «выгода» в данном случае не исчерпывается одной лишь имущественной выгодой, поскольку она может носить и неимущественный характер.

набора юридических средств. В этой связи представляется справедливым утверждение, что лицо имеет интерес, если у него есть фактическая возможность своим поведением извлекать для себя пользу²⁷. Юридический интерес характеризуется наличием у его носителя субъективного права либо правовой возможностью приобретения субъективного права или составляющего его часть правомочия, которыми лицо может воспользоваться в целях реализации своего интереса, а также наличием средств его защиты. Интерес лица может быть направлен как на самого себя, так и на третье лицо, например, субъект предоставляет выгоду от обладания правом требования третьему лицу в договоре в пользу третьего лица.

Подчеркнем, что интерес лица не является благом, а представляет собой побуждение этого лица к получению выгоды от обладания определенным благом. К примеру, при приобретении товара субъектом руководит не интерес в товаре, а интерес в обладании правомочиями собственника в отношении данного товара. Интересом лица при вступлении в правоотношения страхования является побуждение субъекта к приобретению выгоды от обладания правом требования возмещения убытков либо выплаты определенной суммы от страховой компании при наступлении страхового случая, который затронет его материальную сферу. Сложно согласиться с В.И. Серебровским, ссылавшимся на немецких цивилистов, что интерес – не риск, но то, что подвержено риску²⁸. При таком определении интереса, как представляется, происходит отождествление интереса и блага, которое подвергается риску утраты. Этой точки зрения придерживаются не все немецкие исследователи. Корнфелд, к примеру, понимал под интересом «всякую для данного лица от известного обстоятельства выгоду или все, что данное лицо может получить от ненаступления или наступления известного события»²⁹.

С интересом лица непосредственно связана цель обязательства. В литературе цель определяется как исходный пункт и двигательная сила деятельности субъекта и одновременно направляющий эту деятельность фактор³⁰. Так, цель страхового обязательства состоит в гарантии получения страхового возмещения страхователем (выгодоприобретателем) при наступлении страхового случая³¹. В наиболее общем виде целью страхования является защита имущественных интересов лиц при наступлении случайных событий³². Удовлетворение осознанного интереса и есть цель всякого действия или бездействия любого субъекта права³³.

²⁷ Фогельсон Ю. Конструкции «интерес» и «риск» в Гражданском кодексе // Хозяйство и право. 2003. № 6. С. 20–29.

²⁸ Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. Изд. 2-е, испр. М.: Статут, 2003. С. 504. Многие исследователи придерживаются позиции законодателя, закрепленной в п. 1 ст. 944 ГК РФ, согласно которой страховой риск есть возможные убытки от наступления страхового случая (см., напр., Щербакова М.А. Страхование заложенного имущества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 5. С. 59–67). Однако, как представляется, такой критерий применим только к имущественному, но не личному страхованию. В этой связи О.С. Иоффе отмечал, что все виды страхования служат для возмещения внезапно возникающих имущественных потерь (см.: Иоффе О.С. Советское гражданское право. Отдельные виды обязательств: Курс лекций. Л.: ЛГУ, 1961. Т. 2. С. 422–423; Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 731). В.И. Серебровский выделял три значения риска – возможность наступления события, само событие или необходимость нести невыгодные последствия этого события. (Серебровский В.И. Страхование: Учебник. М.: Финиздат НКФ СССР, 1927. С. 85).

²⁹ Cornfeld. Die Lehre v.d. Interesse. 1865. S. 57 // цит. по: Тузова Р.Р. Чем отличается страховой интерес от страхового риска // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. № 1. С. 24.

³⁰ Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984. С. 83–89.

³¹ См., напр., Сокол П.В. Комментарий к Федеральному закону от 14 июля 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» (постатейный). М.: Деловой двор, 2014. 168 с. Схожего мнения придерживаются и иные ученые. К примеру, целью страхования риска утраты права на имущество признается возмещение убытков титульному владельцу в случае истребования вещи со стороны ее собственника или иного законного владельца (см., напр., Гасников К.Д. Страхование риска утраты прав на недвижимое имущество // Журнал российского права. 2008. № 5. С. 73–78).

³² Щербакова М.А. Прекращение страховых обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 12. С. 64–69.

³³ Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 1. Лица, блага: учебник для академического бакалавриата и магистратуры / В.А. Белов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2016. С. 38.

Помимо отношений страхования, категория интереса может использоваться в гражданском праве для определения размера ответственности за убытки, причиненные правонарушением, поскольку всякое правонарушение посягает на имущественные интересы пострадавшей стороны. Также к имущественным интересам следует относить интерес в создании и использовании объекта интеллектуальной собственности и получении защиты при нарушении исключительных прав автора.

Субъективные права выражают определенный интерес обладающего им субъекта, а также служат средством удовлетворения этого интереса. Интерес субъектов проявляется не только в уже возникших правоотношениях, но является основной предпосылкой для вступления лиц в правоотношение, его изменения или прекращения, а также предпосылкой воздействия третьих лиц на динамику обязательственного правоотношения иных лиц. По этой причине юридический интерес невозможно рассматривать в качестве какого-либо юридического факта, поскольку внутренние побуждения не могут выступать в качестве таковых. Вместе с тем интерес сторон представляет существенное значение для существования обязательства. Г. Дернбург писал, что еще римская юриспруденция требовала имущественного интереса самого верителя в сделке³⁴. Однако в динамике обязательства интересу третьего лица не придается значение лишь по той причине, что он лежит всегда за пределами данного обязательства. Это действия третьего лица, направленные в первую очередь на удовлетворение его интереса, вовлеченные в динамику обязательства, как правило, одновременно приводят к удовлетворению интереса одной из сторон обязательства. Учитывая, что договоры, как правило, порождают несколько обязательств, достижение цели одного обязательства может обусловить исполнение другого (взаимного) обязательства. Для цели участия третьего лица в исполнении одного из взаимных обязательств это означает лишь то, что удовлетворение его интереса (внешнего по отношению к обязательству) может привести к формированию нового интереса, но уже в рамках нового взаимного обязательства. То есть речь идет о том, что участие третьего лица в исполнении обязательства может привести к трансформации его фигуры – он станет полноценной стороной обязательства (а равно полноценной стороной договора).

Приведем одну из допустимых моделей трансформации участника гражданского оборота в динамике гражданско-правового договора: «другое лицо – третье лицо – сторона договора (обязательства)». Так, например, до момента заключения договора на стадии переговоров все участники гражданского оборота по отношению к лицам, вступившим в переговоры, находятся в состоянии «других лиц». В дальнейшем отдельные субъекты права, относящиеся к пространству «других лиц», с момента заключения договора могут обладать таким интересом, реализация которого может затронуть динамику обязательственного правоотношения. Иначе говоря, с момента заключения договора эти «другие лица» переходят в пространство потенциальных третьих лиц. В дальнейшем при реализации данного интереса, например, в динамике договора, построенного по модели договора в пользу третьего лица, потенциальное третье лицо переходит в пространство участников обязательственного правоотношения в качестве третьего лица. Следствием же реализации этого интереса, который изначально лежал за пределами договора, выступит то, что третье лицо приобретет качество стороны договора, а равно стороны обязательств, возникающих из такого договора.

Таким образом, третье лицо, участвующее в исполнении гражданско-правового обязательства, – это участник гражданско-правового обязательства, отличный от его сторон, но обладающий самостоятельным интересом, лежащим всегда за пределами этого обязательства, реализация которого затрагивает динамику обязательства. Интерес третьего лица как

³⁴ Дернбург Г. Пандекты: Обязательственное право. Перевод с немецкого: просмотрено и согласовано с 7 изданием подлинника. / пер. под ред.: Соколовский П.; ред.: Вормс А.Э., Вульферт И.И. 3-е рус. изд. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1911. Т. 2, вып. 3. С. 47.

участника обязательственного правоотношения – это побуждение третьего лица к получению выгоды, не связанной с целью обязательства (а равно с интересами его сторон); основная предпосылка для участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства. При реализации интереса третьего лица это лицо воздействует на динамику обязательства посредством удовлетворения интереса должника или кредитора, в зависимости от того, на чьей стороне выступает третье лицо³⁵.

Третье лицо как участник обязательства – это не застывшая на стадии возникновения обязательства фигура, которая либо появляется сразу, либо не появляется вовсе. Интерес третьего лица, реализация которого может затронуть динамику обязательственного правоотношения, может возникнуть на любой его стадии. Любой субъект обязательственного права может перейти из круга «других лиц», «неопределенного круга лиц» в круг третьих лиц. Следовательно, в кругу «других лиц» потенциальное третье лицо занимает динамическое положение, которое позволяет ему как становиться третьим лицом по отношению к конкретному обязательственному правоотношению, так и переходить из состояния третьего лица обратно в круг «других лиц».

³⁵ Чурилов А.Ю. Третьи лица в обязательственном праве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 206–211.

1.2. Модели участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства

О достоверности любой теоретической модели можно судить по тому, как она вписывается в механизм взаимодействия экономического базиса и правовой надстройки. Если такая модель позволяет разрешить практические проблемы, связанные с реализацией нормативных предписаний, или, например, обосновать оптимальность правового регулирования соответствующих отношений либо, напротив, доказывает необходимость изменения норм позитивного права, то она, несомненно, заслуживает внимания.

Теоретическая установка – «реализация интереса участника гражданского оборота выступает достаточным и необходимым условием приобретения таким участником качества третьего лица по отношению к обязательству» – предполагает то, что поведение третьего лица, затрагивающее динамику любого обязательства, должно всегда покоиться на каком-либо правовом основании. В отсутствие такого правового основания поведение участников гражданского оборота, затрагивающее динамику обязательства, сторонами которого они не являются, не подлежит рассмотрению с точки зрения поведения третьего лица. То есть речь идет об установлении определенных пределов, нарушение которых приводит к последствиям, отличным от последствий поведения третьего лица – участника обязательства. Некоторые из таких последствий необходимо рассматривать через призму правил о неосновательном обогащении.

Так, например, нормы института действия в чужом интересе без поручения определяют последствия ситуации, когда участником гражданского оборота совершены действия, непосредственно не направленные на обеспечение интересов другого лица, в том числе когда этот участник ошибочно полагает, что действует в своем собственном интересе. Подобные действия приводят к формированию неосновательного обогащения на стороне «другого лица» (ст. 987 ГК РФ). В данной ситуации следует понимать, какое действие участника гражданского оборота подпадает под действие гестора, то есть лица, действующего в чужом интересе.

Действуя в чужом интересе (интересе доминуса) без поручения, гестор реализует свой собственный интерес. Интерес гестора отличается по содержанию от интереса доминуса. Интерес последнего может выражать суть субъективного права, которое ему принадлежит, или суть субъективной обязанности, которую он должен погасить. Интерес же гестора формируется под воздействием неких обстоятельств, не связанных ни с наличием у него каких-либо субъективных прав (в том числе в отношении доминуса), ни с несением каких-либо юридических обязанностей (в том числе по отношению к доминусу). Можно предположить, что закону в принципе безразлично содержание интереса гестора. Позитивное право предъявляет лишь требование к реализации этого интереса, выраженное в таких действиях, которые «должны совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы и действительных или вероятных намерений заинтересованного лица и с необходимой по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью» (п. 1 ст. 980 ГК РФ). По этой причине действия гестора в большинстве случаев, как представляется, должны подпадать под режим поступка, а суть интереса гестора при такой квалификации действия должна рассматриваться с точки зрения побуждения гестора оказать помощь доминусу.

Вместе с тем, когда имеет место волевое действие лица с целью погашения своего долга, основанное на ошибочном предположении того, что оно действует в своем интересе, но приведшее к погашению права требования кредитора к другому лицу, на стороне этого другого лица возникает неосновательное обогащение. В подобной ситуации речь идет только об одной

из форм неосновательного обогащения – неосновательном приобретении³⁶. Следует обратить внимание на то, что действие потерпевшего погашает обязательство, а значит, возникает резонный вопрос о том, какая разница, в каком качестве действует лицо (в качестве потерпевшего или в качестве гестора – третьего лица), если исполнение, предложенное им, погашает требование кредитора к его должнику?

Представляется, что разница принципиальная, и она прослеживается в последствиях таких действий. В механизме действия в чужом интересе без поручения гестор приобретает права в отношении доминуса в рамках регулятивного обязательства, независимо от того одобрил он или нет эти действия после их совершения гестором. При неосновательном обогащении лицо, которое ошибочно предполагало, что погашает свой долг, приобретает в отношении должника (неосновательного приобретателя) требование, составляющее содержание охранительного (кондикционного) обязательства.

Данный пример, касается тех случаев, когда ошибочные действия участников гражданского оборота, не являющихся третьи лицом – участником обязательства, погашают обязательственную правовую связь должника и кредитора, порождая на стороне должника неосновательное обогащение. Однако формирование неосновательного обогащения является далеко не единственным последствием совершения действий, выходящих за пределы действий участника обязательства. Например, лицо может намеренно совершать действия в интересах заинтересованного лица после того, как ему стало известно, что таковые им не одобряются. Является ли такое лицо гестором? Очевидно, что нет: лицо, вышедшее за пределы добросовестности при совершении действий в чужом интересе, утрачивает статус гестора. Вместе с тем подобные действия приводят к прекращению обязательства, но не влекут никаких последствий ни для кредитора этого обязательства, ни для его должника. На кредитора погашенного обязательства не может быть возложена обязанность по возврату исполненного лишь на том основании, что оно не подлежит квалификации в качестве неосновательно приобретенного имущества (п. 4 ст. 1109 ГК РФ). А для должника какие-либо последствия имущественного характера в пользу недобросовестного исполнителя исключаются по той причине, что действия последнего были совершены за пределами их возможной квалификации в качестве действий в чужом интересе³⁷.

Н.О. Нерсесов, отграничивая представительство от иных форм воздействия «иных» лиц на договорную связь, выделял фактическое соучастие (существующее в трех основных формах – совет или помощь при формулировании сделки; исполнение обязательства третьим лицом; действия посыльных, рукоприкладчиков, учреждений связи, которые лишь доносят волю до контрагента), юридическое соучастие (соучастие, которое необходимо для возникновения сделки, – дача согласия на совершение юридически значимого действия – материальное соучастие; действия лиц, участвующих при совершении юридически значимого действия, – формальное соучастие) и ситуации, при которых для одного лица вытекают юридические последствия из сделки, заключенной другим помимо воли последнего (к этой форме ученый относит, в частности, римскую конструкцию необходимого представительства)³⁸. Изложенное позволяет утверждать, что Н.О. Нерсесов проводил четкую границу между представителем и третьим лицом – участником обязательства.

Е.Л. Невзгодина, отталкиваясь от установки, что представительство является одной из форм участия третьих лиц в правоотношении³⁹, приходит к выводу: «представительство...

³⁶ См.: Соломина Н.Г. Обязательство из неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения. М.: Юстицинформ, 2009. С. 218–219.

³⁷ Исключение составляет случай, предусмотренный п. 2 ст. 983 ГК РФ, когда гестор может действовать против воли доминуса, на котором лежала обязанность по содержанию кого-либо.

³⁸ Нерсесов Н.О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. М.: Типолитграфия И.И. Смирнова, 1878. С. 1–79. См. также Кулаков В.В. Формы участия третьих лиц в обязательстве // Российский судья. 2009. № 7. С. 18–23.

³⁹ Невзгодина Е.Л. Представительство как универсальная форма гражданско-правового посредничества: монография / под

являет собой один из случаев исполнения обязательства третьими лицами»⁴⁰, что, в свою очередь, привело к необходимости разграничения представительства и возложения исполнения обязанности должника на третье лицо. Вместе с тем предложенная Е.Л. Невзгодиной концепция восприятия представительства как одной из возможных форм исполнения обязательства третьим лицом, противоречит ее же выводу о том, что, во-первых, представительство представляет собой правоотношение и, во-вторых, что в рамках этого правоотношения одно лицо выступает от имени другого⁴¹.

Очевидно, что представитель в принципе не может выступать в качестве третьего лица в обязательственном правоотношении, поскольку фигура представителя полностью поглощается фигурой одной из сторон, а в результате действий представителя права и обязанности возникают непосредственно у представляемого. Фигура представителя в динамике обязательства как самостоятельного субъекта, отличного от представляемого, для другой стороны обязательства безразлична. Представитель в качестве отдельного субъекта, отличного от субъекта, выступающего на стороне представляемого, воспринимается только во взаимоотношениях между представителем и представляемым. Правовое основание, на котором представитель включается в динамику обязательства, не является тем, что мы называем основанием участия третьего лица в обязательственном правоотношении в качестве его участника. И если речь идет о том, что представитель выступает на стороне должника в обязательстве, то имеется в виду, что действия представителя воспринимаются как действия должника (представляемого), а значит, исполнение обязательства представителем есть не что иное, как исполнение обязательства должником, но не исполнение обязательства третьим лицом за должника.

ред. А.И. Казанника. Омск: Ом. гос. ун-т. С. 142.

⁴⁰ Там же. С. 153.

⁴¹ Там же. С. 107.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.